

Глава 1

Ты — многогранник, и я — многогранник.

На экране телефона высветилось: «Ты скоропостижно скончалась».

Следом телефон пиликнул во второй раз: «?»

Машу бесила Димкина привычка досылать знаки препинания отдельно. И Димка бесил. И помада, которая не желала выкручиваться. И мамино платье, которое оказалось ей впору, но немилосердно открывало острые Машины коленки, отчего их все время хотелось обтянуть подолом, но ткань не давалась.

— Мария, Дмитрий звонит в домофон, — раздался мамин голос. — Ты скоро?

— Бли-и-ин, — простонала Маша и, схватив телефон, надиктовала: — Пять минут. Еще раз меня дернешь — убью.

Через секунду в ответ пришел ржущий смайлик.

Маша отступила на шаг от зеркала и, окинув взглядом свое отражение, попыталась утешиться мыслью, что не нравится она себе исключительно потому, что вообще не носит платьев. Утешение вышло слабым.

— Маш, ну ты тут до вечера будешь? — Мама заглянула в комнату.

— Да! — отрезала Маша, натягивая очередной бабушкин шедевр — кружевной жакет.

Мама была права: белый жакет отлично подошел к темно-серому платью, но это же все равно платье!

— Мам, ну посмотри на меня! — в отчаянии воскликнула Маша и неловко повернулась вокруг своей оси. Подол закрутился, открывая ноги еще сильнее. Маша его поймала и вновь попробовала прикрыть колени. — Ну куда мне платье?

— Машка, прекрати! У тебя прекрасные ноги. Иди уже, а то Волков твой там насмерть табаком отравится.

— А может, мне не идти? — Маша поплелась по коридору, неся мамины праздничные туфли за каблуки. — Крестовский был явно не в себе, когда раздавал приглашения. Он даже имени моего не помнит. Он это приглашение на мою парту по ошибке положил. А имя мое там тоже случайно написалось. Ма-а-ам!

Когда мама не ответила, Маша обернулась и увидела, что та стоит, засунув руки в карманы домашнего платья, и хмурится.

— Я совсем плохо выгляжу? — обреченно спросила Маша и, поставив туфли на пол, сунула в них ноги.

Мама помотала головой и, подойдя, поправила кулон на Машиной шее.

— Нет, ты у меня самая красивая. А Крестовский... Роман не пригласил бы тебя, если бы не хотел видеть.

Маша в очередной раз отметила, что мама произносит эту фамилию почти скороговоркой, будто хочет быстрее от нее отделаться и больше с ней не сталкиваться. Маша и сама была бы не прочь не сталкиваться ни с фамилией, ни с ее обладателем.

Мама повесила Маше на плечо сумочку, сунула в руки сверток с подарком и почти силой выставила ее за дверь.

Димка сидел на спинке скамейки и крутил в руках зажигалку. Увидев Машу, он спрыгнул на землю и щелчком отправил в урну недокуренную сигарету. Маша в очередной раз попыталась обтянуть подол и почувствовала, что краснеет, особенно когда Димка окинул ее оценивающим взглядом.

— Прекрати! — прошипела Маша.

— Хочется выразить свой восторг нецензурно, — вынес вердикт Димка и, разглядывая Машины ноги, добавил: — Можно?

— Можно, — разрешила она. — Только про себя.

Димка усмехнулся и широким жестом указал на темно-синюю «ауди», припаркованную напротив подъезда. Водитель, заметив это, завел мотор. Маша поймала себя

на мысли, что вновь хочет прикрыть колени. Вместо этого она оглянулась и отыскала взглядом окно с синими занавесками на пятом этаже. Мама, конечно, стояла там. Маша ей помахала, мама помахала в ответ. Димка проследил за ее взглядом и вежливо кивнул, почти беззвучно прошептав:

— Здравсте, Ирина Петровна.

Маша прыснула, а Димка простонал:

— Блин, нам же третью главу «Театра» к понедельнику?

Маша нервно рассмеялась и, забравшись в машину, сказала:

— Только не говори, что каждый раз при виде моей мамы ты вспоминаешь про домашку, которую все равно не будешь делать.

Димка захлопнул дверь и, откинувшись на сиденье, протянул ей жвачку. Маша помотала головой, тогда он закинул пластинку в рот и произнес:

— Ее домашние задания я делаю всегда. Не гони. Их ваче все делают. Попробовали бы не...

— Не такой уж она и монстр.

— Угу, — буркнул Димка и обратился к водителю: — Поехали.

Водитель молча кивнул, и машина тронулась. Маша вздохнула, понимая, что ей ведь еще предстоит подарок Крестовскому вручать.

— Чего вздыхаешь? — вдруг очень серьезно спросил Димка, повернувшись к ней.

Когда он смотрел вот так, прямо и внимательно, она почему-то всегда немного смущалась.

— Я не хочу ехать на этот праздник, — озвучила она то, что так и не решилась сказать маме.

Димке сказать об этом оказалось гораздо легче. Ведь именно он был причиной этого нежелания.

— Почему? — все так же серьезно спросил Димка и тут же предупредил: — Только не ври, что исключительно из солидарности со мной.

Маша окинула Димку внимательным взглядом. В институт он ходил в джинсах и толстовках, поэтому видеть его сегодня в костюме было жутко непривычно. Немного

примирило с реальностью то, что темные волосы, как всегда, торчали в разные стороны, будто Димка только отлепил-ся от подушки.

— Потому что я буду там чувствовать себя душой.

— Почему? — Димка наклонился к ней, впиваясь взглядом в ее лицо.

— Дим, ну ты же сам все понимаешь. Где я, а где вся наша группа?

— Ты со мной в машине, а группа... — Димка бросил взгляд на массивные часы на запястье, — уже явно на яхте.

— Не придуривайся! — нахмурилась Маша, а когда Димка насмешливо поднял бровь, прошипела: — Потому что я в мамином платье, потому что в первый раз на этих дурацких каблуках! Выгляжу идиоткой, чувствую себя так же.

Маша зло откинулась на сиденье и вновь потянула подол, стараясь прикрыть колени.

Димка наклонился вперед и внимательно посмотрел на ее туфли.

— Ну да. Нелегко, наверное, — посочувствовал он, а когда Маша прищурилась, добавил: — Хватит гнать, Машка! Ничего не понимаю в платьях, но тебе, по-моему, идет.

— Там все будут на стиле, при макияже. Шилова будет блистать...

Машка запнулась, когда поняла, что выдала Димке настоящую причину своего беспокойства. Она прекрасно понимала, что не была ровней девушкам из своей группы. Те проводили новогодние каникулы, катаясь на сноубордах в Альпах, ездили в языковые лагеря, могли отпраздновать день рождения в Париже, как Шилова в прошлом году. Маша убеждала себя, что ее это не задевает, но как же трудно было смириться с реальностью, которая заключалась в том, что Маши в их мире не было, потому что лето она проводила на даче, а на сноуборде стояла один раз в жизни, и то потому, что Димка вытащил ее на базу в Подмоскowie. Димка, в сущности, был единственной точкой соприкосновения ее мира с миром ее одноклассников. Он сам был из их мира. Только по неведомой ей причине презирал все то, что они ценили, порой делая это чересчур демонстративно.

Глава 2

Мы потерялись в себе и в пространстве.

Алкоголь действовал на Юлу нестандартно. Она начинала плакать. Даже не плакать — рыдать, с причитаниями, признаниями в том, что она никчемная и жизнь не удалась, что родители развелись, а ей не оставили выбора, что она ненавидит себя слабую и чтобы «не смели на нее смотреть». И еще кучей всего в том же ключе. Роман половину из ее слов не понимал, потому что связки в такие моменты у Юлы заклинивало окончательно, и всхлипы переходили в невнятный сип. От этого ее накрывало еще больше.

Роман не любил, когда Юла выпивала, потому что каждый раз ему становилось жутко ее жалко, а помочь он никак не мог. Оставалось лишь ждать, когда она наконец прорыдается и уснет. Впрочем, случались подобные срывы нечасто. К счастью, сегодня стадия «весь мир — черная дыра, в которую нас засасывает одного за другим» довольно быстро перешла в следующую: «кажется, я сплю». Теперь Юла сопела на пассажирском сиденье, укрытая его пиджаком, а сам Роман медленно катил по безлюдным улицам, чувствуя себя весьма неуверенным участником правостороннего движения.

Он получил права год назад в Британии. Вот только примерно в то же время в его семье все пошло наперекосяк, в результате чего он оказался в заснеженной Москве, в которой его ждало правостороннее движение и еще восемь месяцев — по местным законам — до официального разрешения водить машину.

Юла всхрипнула рядом и тоненько захныкала. Роман вздохнул и положил ладонь на ее колено, успокаивающе поглаживая. Юлу было жалко до кома в горле. Ведь он как

никто ее понимал. Навигатор сообщил, что до места назначения осталось двести метров, и Роман позволил себе выдохнуть. Это славно, что Юла спала. Он бы не хотел, чтобы она видела, какой он фиговый водитель.

Вытащить девушку из машины оказалось непосильной задачей. Пришлось звонить Петру Сергеевичу — Юлькиному водителю. Роман до этого сообщил ему, что сам отвезет Юлю, на что Пётр Сергеевич лишь усмехнулся и сообщил, что дождется их возвращения в лобби жилого комплекса. Роман немного удивился, но время показало, что опытный в вопросах доставки девушек с вечеринок водитель был прав: его помощь пригодилась.

Двоем они вытащили сопротивляющуюся Юлу из машины. Пётр Сергеевич придержал дверь, подобрал свалившиеся с Юльки туфли и даже глазом не моргнул, когда Юля начала говорить весьма смущающие вещи. Роман отметил, что его собственное отражение в сверкающем зеркале лифта изрядно покраснело, а Пётр Сергеевич — ничего, закаленный мужик.

Перед дверью квартиры Роман засомневался, уместно ли звонить, но добиться от Юлы ответа, есть ли у нее ключ, оказалось нереальным. Пришлось жать на кнопку звонка.

Дверь открыли почти сразу.

— Здравствуйте, Жанна Эдуардовна, — вежливо произнес Роман и слегка подтолкнул коленом сползавшую с рук Юлу.

— О времена, о нравы! — хорошо поставленным голосом продекламировала бабушка Юли, «та самая, которая не вязала», вдруг некстати вспомнил Роман, и отступила, впуская их внутрь.

Она явно еще не ложилась. На бархатный халат была накинута теплая шаль, очки поблескивали оправой, а прическа выглядела так, будто Жанна Эдуардовна только что вышла из гримерной перед вечерним спектаклем.

— Пётр, спасибо, вы свободны. Завтра вы нам не понадобитесь, — произнесла она и заперла дверь за вошедшим Романом.

Юла весила килограммов пятьдесят. Ерунда, конечно, но когда висела вот так, безжизненным телом, становилось по-настоящему тяжело, и руки ощутимо затекали.

— Спасибо вам, Роман, за то, что доставили сие сокровище. И именно на этот адрес, а не на свой.

Роман неловко кашлянул. Юлькина бабушка так строила свою речь, что разговаривать с ней было сложно. Спасала Романа только ее безупречная дикция и еще то, что она говорила довольно медленно. Иначе он бы и половины ее речи не понимал. Очевидно, актриса и в самом деле бывшей не бывает, как сказала когда-то Юла.

— Ну, извольте отнести в опочивальню.

Роман не смог сдержать улыбки и, сбросив ботинки, потащил Юлу по длинному коридору. Стоило уложить ее на кровать, как она ухватила его за руку и сонно пробормотала:

— Ромусик, ты же останешься?

— Конечно, — соврал Роман, невольно поморщившись от прозвища, которое порой проскальзывало у Юлы в моменты игривости.

Он укрыв Юльку теплым пледом, зажег лампу на прикроватной тумбочке и, проведя рукой по светлым спутанным волосам, вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

Сейчас последний рывок до дома — и можно будет наконец отдохнуть. День рождения пережили, отец порадовался. Теперь его, Романа, совесть чиста. В прихожей Роман достал из кармана мобильник и посмотрел на экран. 2:18. И ни одного пропущенного. А он до последнего надеялся, что мать позвонит.

Из кухни раздался голос Жанны Эдуардовны:

— Роман, почему бы нам не выпить кофе? Вы выглядите так, будто он вам не помешает.

— С удовольствием, — откликнулся Роман и снял надевший ботинок.

В уютной кухне пахло апельсинами и цикорием. Жанна Эдуардовна колдовала над туркой.

— Да вы садитесь, садитесь. Давайте без церемоний, — махнула она в сторону диванчика. — И как ваш праздник?

— Без жертв, — улыбнулся Роман, опускаясь на диван. Бабушка Юлы ему необъяснимо нравилась.

— Это славно. А позвольте спросить, отчего вы трезвы как стеклышко? В ваши-то юные годы прийти в таком виде с собственного совершеннолетия просто неприлично!

— Знаете, вы антибабушка, — поделился наблюдением Роман. — Бабушка наоборот.

— Не все, что говорит женщина, нужно воспринимать буквально, — рассмеялась Жанна Эдуардовна. — Алкоголь не красит в любом возрасте. Кстати, можно еще сказать «квазибабушка». Сможете найти синонимы?

Роман со стоном опустил голову на сложенные на столешнице руки и невнятно пробормотал:

— Псевдо? Хотя я не уверен.

— Получилось. Еще можно сказать «лже-».

— Пожалейте меня, Жанна Эдуардовна. Я, как вы выразились в прошлый раз, постигаю эту науку неустанно, неусыпно и... как там было еще?

Запах свежесваренного кофе заставил его поднять голову.

— Но говорите вы уже намного лучше, — заметила старая леди. — Как вам живется здесь?

Роман вздохнул и сжал переносицу. Жутко хотелось снять линзы.

— Скучаю, — наконец признался он. — Думал, будет проще. Сегодня проиграл викторину по старым советским фильмам.

— Ну, это позор, Роман Львович! Сущий позор.

— Знаю, но — увы.

— А как отец? — сменила тему Жанна Эдуардовна, отпив кофе из маленькой фарфоровой чашки.

— Не знаю, — признался Роман, делая глоток восхитительного напитка. Так только мама умела варить. — Ему тоже, наверное, сложно. Но скучать ему некогда. Вон праздник мне организовал.

— Он праздник себе организовал, Роман. А вы это позволили.

— Но разве не в этом заключается помощь ближнему — сделать все, чтобы ему было хорошо?

— Но и о себе забывать не нужно.

Роман посмотрел в свою чашку. Жанна Эдуардовна была права, вот только беда в том, что сам он не знал, что ему нужно. Последние месяцы он просто плыл по течению и делал вид, что все отлично, потому что все силы уходили на то, чтобы приспособиться к языку, суматохе, новым людям. А еще здесь он почти каждый день видел Волкова, и каждая такая встреча была хождением по краю.

— А знаете что, Роман, оставайтесь-ка вы у нас.

Роман удивленно приподнял бровь и, копируя интонации Жанны Эдуардовны, воскликнул:

— Но позвольте, а как же приличия?

Смех Жанны Эдуардовны можно было записывать саундтреком и слушать, когда совсем тошно.

— У нас две гостевые, — отсмеявшись, игриво откликнулась бабушка Юлы, и Роман понял, что предложение не лишено привлекательности. Только нужно спуститься за очками в машину, чтобы снять наконец линзы.

Он уже собирался сообщить о своем решении остаться, когда телефон в кармане завибрировал. Роман выхватил трубку, решив, что мать все-таки вспомнила и позвонила, однако на экране высветился незнакомый номер российского оператора.

— Алло.

— Алло, здравствуйте, а... это Роман?

— Да, — произнес он, услышав смутно знакомый голос.

— Это Маша... Рябинина. Извини, что так поздно. Ты можешь говорить?

— Э... да. Что случилось?

Разморенный беседой, он даже не сразу смог собраться.

— У меня небольшая неприятность.

— Я чем могу помочь? — перебил он, потом понял, что это могло прозвучать невежливо, и поправился: — Я готов помочь. Что случилось?

Кажется, прозвучало еще хуже. Роман хлопнул себя ладонью по лбу и откинулся на спинку диванчика.

— Я кое-что забыла на вашей яхте. А меня теперь туда не пускают. Говорят, что без распоряжения хозяина запрещено. Ты не мог бы попросить меня пустить? Я ненадолго.

— Я приеду, — зачем-то сказал Роман, выбираясь из-за стола.

— Нет, что ты! Не стоит беспокоиться. Просто попроси меня пустить ненадолго. Я пройду там в сопровождении кого-нибудь. Ничего не случится. Обещаю.

— Я приеду, — повторил он и, нажав отбой, повернулся к гостеприимной хозяйке. — Простите, Жанна Эдуардовна. Там форс-мажор у яхты. Однотруппница забыла что-то на борту. Пусть Юлия позвонит, как проснется. Спасибо за кофе. Он волшебный.

— Я провожу вас, Роман, — едва заметно улыбнулась Жанна Эдуардовна.

Весь путь до причала его ощутимо потряхивало. То ли от кофе, то ли от недосыпа. Роман думал, что логичнее было бы позвонить отцу, тот бы связался с охраной и все уладил. Так было бы правильно. Вместо этого Роман ехал в ночи на встречу с девушкой Волкова и старался не думать о последствиях.

Машу он увидел сразу. Та куталась в свой жакетик и пританцовывала на каблуках у ограждения причала. Роман заглушил мотор и выбрался из машины, с непонятным чувством вины думая о том, что заставил ее мерзнуть лишних двадцать минут, хотя мог не ехать сюда, а просто позвонить. Не факт, что охрана его послушала бы, но попробовать стоило.

— Привет, что случилось? — произнес Роман, не успев толком подумать, стащил с себя пиджак и протянул девушке.

Маша удивленно посмотрела сначала на пиджак, потом на него.

— Надень. Ты же замерзла.

— А ты? — спросила она, не делая попытки взять одежду.

— А я не стоял на холоде столько времени, — ответил Роман и, обойдя Машу, накинул пиджак ей на плечи, поверх блестящих в свете фонаря длинных волос. Маша тут же просунула руки в рукава и запахнулась. Пиджак был ей по колено.

— Так что случилось? — повторил Роман, а когда Маша подняла на него виноватый взгляд, понял, что сейчас ему скажут что-то неприятное.

— Димки не было в автобусе со всеми. Водитель сказал, что, кроме тебя и твоего отца, больше никто не уезжал.

Сердце Романа дернулось, как всегда случалось при упоминании Волкова.

— Ты ему звонила? — спросил он.

— А ты думаешь, я сразу бросилась звонить тебе? — огрызнулась Маша. — Он не берет трубку. Он... иногда так делает.

— А зачем ты хотела попасть на яхту? — вздохнул Роман, прикидывая, где им теперь искать Волкова и как бы избежать включения в поисковый отряд. Волков по-любому не будет в восторге.

— Ты меня слушал вообще? — воинственно переспросила Маша и еще плотнее запахла его пиджак.

Она едва доставала Роману до плеча даже на своих каблуках, но вид у нее был такой суровый, что он невольно улыбнулся.

— Что смешного? — прищурилась она, и ему пришлось закусить губу, потому что смотреть на маленькую и грозную Машу было вправду смешно.

— Прости, — попытавшись сохранить серьезное лицо, ответил он. — Просто, когда ты сказала, что что-то забыла на яхте, я не думал, что это что-то — Волков.

— Очень смешно, — буркнула Маша и сердито посмотрела на Романа.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, а потом Маша закусила губу, чтобы не рассмеяться, и Роман, не выдержав, расхохотался. Маша зажала рот ладонью и еще какое-то время пыталась сохранить серьезное лицо, но тоже не выдержала. Наверное, они выглядели как два придурка, потому что ржали в третьем часу ночи на пустой пристани, и эхо их смеха отражалось от воды.

Отсмеявшись, Роман вдруг понял, что впервые за бесконечные минувшие сутки он вообще ни о чем не думал, а просто хохотал как ненормальный.

— Ладно. Пойдем выручать узника замка Иф, — произнес он и подал Маше руку, чтобы помочь перешагнуть через невысокое ограждение. Несколько секунд она смотрела

на его ладонь, и Роман вспомнил, что сегодня они это уже проходили. Ну что же он, опять на те же грабли? Пока он лихорадочно придумывал, как с достоинством выйти из этой неловкой ситуации, Маша коснулась его ладони, и он автоматически сжал ее холодные пальцы. Перешагнув через цепь, Маша неловко отняла руку, и он подумал, что ему все-таки не стоило приезжать. Нужно было позвонить охране.

Их пустили на борт без вопросов. Отец собирался утром выходить на «Рене» с кем-то из своих друзей, поэтому яхта оставалась на ходу, а на борту ночевали два охранника. Один из них включил дежурное освещение, и Роман, взяв у него магнитный пропуск, уверенно повел Машу в нижние каюты по полутемным коридорам, потому что, если Волков и был на яхте, то оказаться мог только там. В других местах на него уже наткнулись бы.

Дойдя до гостевой каюты, Роман деликатно постучал, прежде чем воспользоваться ключом, а в ответ на вопросительный взгляд Маши пояснил:

— Даю ему шанс надеть штаны, — и тут же понял, что ляпнул, а главное — кому. — Прости. Я иногда очень неудачно шучу. Почти всегда на самом деле. Мама говорит, это у меня от отца.

Тут он замолчал, разозлившись на себя за то, что несет чушь.

— Ты тоже нервничаешь? — вдруг спросила Маша, и Роман повернулся к ней, не донеся магнитный ключ до прорези.

— А ты? — спросил он.

— Очень, — призналась Маша.

Роман отвел взгляд и, наконец воспользовавшись ключом, вынужденно признал:

— Я тоже.

Он решил, что подумает позже, почему в груди вдруг что-то дрогнуло.

В каюте никого не оказалось. Маша, словно не поверив ему на слово, вошла внутрь, прошла мимо кровати, заглянула в санузел и растерянно обернулась к Роману:

— А еще каюты есть?

Во второй гостевой Волкова тоже не оказалось, и Роман, уже зная, что никакого Волкова на борту нет, открыл для Маши мастер-каюту, но сам даже не стал заходить. Маша вошла, оглядела большую кровать, полки, задержалась взглядом на фотографии, которую Роман очень любил и не любил одновременно, и, коснувшись ручки санузла, спросила:

— Можно там посмотреть?

Роман молча кивнул.

В санузле Волкова предсказуемо не оказалось, и растерянная Маша присела на кровать.

— А что теперь делать? — спросила она и, вытащив ногу из туфли, болезненно поморщилась.

— Ты натерла ногу? — тут же отреагировал Роман, хотя понимал, что его это вообще не касается. Волкова касается, а его — нет.

— Неважно, — голос Маши звучал устало. — Ты... спасибо, что приехал. Извини, что я тебя в твой праздник дернула. От гостей оторвала.

Слово «гостей» она произнесла как-то по-особому, и Роман не был уверен, как должен отреагировать, поэтому, последовав Машиному примеру, решил сказать правду:

— Гостей не было. Бабушка Юлы предлагала переночевать у них, чтобы не ехать домой, но ты меня спасла. Потому что старая леди умеет уговаривать, а завтра мне было бы неловко.

Маша смотрела на него не отрываясь, а Роман отметил, что он опять несет что-то несусветное.

— Куда теперь? — спросил он, чтобы сменить тему.

Маша огляделась по сторонам и подскочила, поняв, что сидит на кровати.

— Ой, прости, пожалуйста, — пробормотала она, направляя покрывало. — Я...

— Маша, — Роман напрягся от ее суевливых попыток привести все в порядок, — это вообще ерунда. Стюард завтра поправит, отец сам поправит, это неважно.

Он шагнул вглубь каюты, на ходу придумывая, что бы еще сказать, но Маша вдруг шарахнулась так, будто он собирался сделать что-то плохое, и затравленно огляделась.

— Маша, ты что? — Роман замер на месте. — Ты так выглядишь, будто я маньяк.

— А ты нет? — нервно спросила она, кутаясь в его пиджак.

— Пока за собой не замечал, — осторожно ответил он и предложил: — Идем?

Маша первой вылетела из каюты, будто он вправду мог что-то ей сделать. Может, Волков что-то ей наплел? Иначе с чего она так себя вела?

Дорогу назад Маша нашла сама. Ему оставалось лишь идти за ней, думая о том, где теперь искать чертова Волкова.

Из Машиной сумочки зазвучала вторая сюита Баха, и она со вздохом облегчения вытаскила телефон.

— Где тебя носит, придурок? — прошипела она в трубку, оглянувшись через плечо на Романа. — Ой, доброй ночи, Сергей. Да?.. Хорошо... Спасибо, что позвонили. Нет-нет, я доберусь. Честное слово... Я сама завтра его убью, не марайте руки.

Нажав отбой, Маша выдохнула:

— Волкову не придется читать третью главу «Театра». Я его убью, порежу на мелкие части и... и... — она огляделась и решила: — скормлю чайкам. Хоть какая-то польза от его тупой башки!

Облегчение смешалось в Романа с удивлением. Маша злилась так непосредственно, что это немного сбивало с толку.

— Нашелся?

— Он дома! Представляешь? Телефон валяется в холле, а он вырубился, потому что нажрался. Сергей, его дядя, увидел от меня пропущенные и перезвонил.

Маша потеряла виски и, покачнувшись на каблуках, ойкнула.

— Так, — хлопнул в ладоши Роман, — поднимайся на верхнюю палубу. Я сейчас.

Роману нужна была пауза, впрочем, он понимал, что берет ее, просто чтобы прийти в себя, а не чтобы предотвратить бедствие.

— Вот сейчас ты похож на маньяка, — неловко пошутила Маша.

Роман лишь улыбнулся в ответ и решительно направился в салон, твердо намереваясь не думать о том, что он творит. Пусть раскаяние подождет. У него, в конце концов, был день рождения.

Спустя несколько минут он поднялся на палубу с подносом, на котором стояли два горячих контейнера с едой, пакет сока и ваза с шоколадом.

Маша, закутавшаяся в плед, стояла у борта и смотрела на него слегка удивленно.

— Не знаю, как ты, а я сегодня так и не поел толком, — признался он. — Волкова ведь уже не надо спасать, так?

Маша колебалась несколько секунд, и Роман почти хотел, чтобы она отказалась. Потому что он, кажется, был настроен творить ерунду, и последствия, неотвратимые и суровые, маячили на горизонте. Сам он остановиться уже не мог. Оставалось надеяться на Машу, но та, не оправдав его ожиданий, кивнула и направилась к диванчику.

— Хорошо, но только ты ответишь на несколько вопросов.

В ее тоне было столько непререкаемой уверенности, что он мысленно вздохнул, однако отступить было поздно:

— Идет. Только после еды.

Роман зажег пару свечей в фонарях, уселся в кресло напротив диванчика и закутался во второй плед, так и не попросив Машу вернуть его пиджак. Потом, поколебавшись, все же достал из кармана прихваченную из аптечки упаковку пластырей и антисептическую мазь. Те секунды, в течение которых Маша смотрела на него в восхищенном удивлении, были бесценными.

Пока они не спеша ели в уютной тишине, Роман поймал себя на мысли, что паршивый по всем параметрам день каким-то образом умудрился превратиться в почти идеальную ночь. Портила ее только внутренняя борьба, происходившая в самом Романи. С одной стороны, ему было необъяснимо хорошо и спокойно с Машей, с другой — он не мог отмахнуться от мысли, что она — девушка Волкова и что, как бы ни было хорошо ему здесь и сейчас, завтра неминуемо наступит и принесет проблемы.

Забывшись, Роман задержал взгляд на Маше дольше допустимого. Она, заметив его внимание, отложила вилку и нервно поежилась. Роман тут же вспомнил о ее странном поведении в каюте.

— Маша, а можно сначала я спрошу? — решился он и, дождавшись ее кивка, произнес: — Почему ты так испугалась в каюте? Ты всерьез решила, что я что-то сделаю тебе?

Впервые кто-то заподозрил Романа в подобном, и оставить это без внимания он не мог. Маша довольно долго молчала, а потом совсем по-детски попросила:

— Только обещай, что никому не расскажешь.

— Обещаю, — откликнулся Роман, понимая, что, кажется, вляпывается по полной.

— Мне было тринадцать. У бабушкиных соседей в деревне гостил дядя Коля. Мерзкий такой. Он однажды пришел к нам, когда бабушки не было... — Маша замолчала, подбирая слова, а Роман поймал себя на том, что изо всех сил сжал стакан с соком. — Он попытался ко мне пристать. Нет-нет, не смотри так. Ничего не случилось. Я убежала. В окно выпрыгнула, прямо в куст ежевики — вся ободралась. Бабушка меня потом отругала за куст.

Маша замолчала и принялась крутить вилку, глядя на нее так, словно на зубах было что-то написано, и она пыталась это прочесть в тусклом свете свечей.

— Ты ей не сказала? — Роман не узнал своего голоса.

— Я постеснялась. — Она подняла на него полный надежды взгляд, словно прося ее понять, но Роман помотал головой и, тут же спохватившись, заговорил:

— Я... не понимаю, почему постеснялась. Извини.

— Это очень стыдно. Ну, будто я сама виновата в том, что он полез. Он говорил, что я специально ношу такую короткую юбку... Еще говорил всякое. А я просто выросла резко, вот сарафан коротким и стал. Я на улицу в нем не выходила. Он меня через забор с соседнего участка увидел. Я никогда больше юбки не носила, — призналась Маша, вновь разглядывая вилку. — Сегодня в первый раз надела. У меня даже на выпускном костюме брючный был. И тут я в юбке, а ты вошел в комнату, и я...

— Господи, Маша! — Роман ошарашенно запустил пальцы в волосы. — Ты там в каюте решила, что дело снова в юбке, а не в том, что я могу оказаться?..

Он почувствовал, что у него не только руки трясутся — его самого колотило от злости.

— Ты не понимаешь, он сказал...

— Маша! — Романа будто сдуло с кресла. Зацепившийся за столик плед упал на палубу, а сам Роман опустился на корточки рядом с подлокотником дивана и посмотрел на девушку снизу вверх. — Ты не виновата в том, что какой-то урод что-то пытался с тобой сделать. Даже если бы ты ходила вообще без юбки! Это так не работает.

— Ты просто не маньяк и ничего в этом не понимаешь, — дрожащими губами улыбнулась Маша.

Роман зажмурился и помотал головой, не зная, что делать с ее откровенностью и со своей реакцией на нее. У него не было сестры, но он на миг представил себе, что кто-то мог бы обидеть Ляльку или Юлу, и у него перехватило дыхание.

— Ладно бабушке, но отцу ты почему не сказала? — спросил он, не в силах просто закрыть эту тему.

— Папа очень мягкий. Он никогда ни с кем не конфликтует. К тому же я думала, что дело правда в юбке.

— Отстань ты от юбки! — воскликнул он. — Каким бы мягким ни был твой папа, я уверен, он бы его убил. Ты же его. Никто не имеет права так с тобой...

— Боже, Крестовский, если у тебя будет дочь, ты, похоже, будешь отстреливать всех потенциальных бойфрендов на подходе к дому.

Роман закатил глаза, а потом на миг задумался о будущем и признал:

— Наверное. И она будет носить любые юбки, какие захочет, — назидательно поднял он палец.

Маша рассмеялась, и ее смех тоже можно было записывать как саундтрек. Ее левый верхний клык немного торчал вперед, выбиваясь из стройного ряда, и это выглядело неожиданно мило. Поймав себя на этой мысли, Роман разом опомнился и встал. Взъерошив волосы, он подобрал

с палубы плед, начал было его складывать, но порыв ветра напомнил, для чего этот плед был ему нужен. Роман накинул его на плечи и наконец уселся в свое кресло.

— Спасибо тебе, — несмело улыбнулась Маша и снова попросила: — Только ты никому не говори, ладно? Об этом никто не знает.

— Даже Волков? — спросил Роман, подобрившись.

Маша помотала головой.

— Я не скажу. Обещаю, — откликнулся он, чувствуя себя неуютно оттого, что у них появился общий секрет.

— Спасибо, — снова улыбнулась Маша и без перехода спросила: — Ты правда давно знаком с Димкой? На той фотке в каюте твои и его родители?

Роман кивнул и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на звездное небо. Вот и закончились уютные посиделки.

— Наши родители дружили, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— И правда, что Димкина мама помогала твоему отцу с обустройством «Рене»?

Он снова кивнул, чувствуя, как на него волной накатывает тоска. Так бывало всегда, стоило вспомнить о родителях Волкова. Поэтому он и не вспоминал. Запретил себе вспоминать.

— Тетя Аня знала о яхтах все, — услышал он себя будто со стороны. — Она была дизайнером интерьеров и очень любила море. «Рене» — ее детище.

Роман продолжал смотреть на небо, потому что боялся, что стоит ему опустить голову, как слезы, щипавшие в носу, потекут. Зачем он начал об этом говорить? Словами ничего не изменишь и не вернешь. Не хватало еще позорно расплакаться перед девушкой Волкова. Мысль о том, что Маша — девушка Волкова, немного приглушила эмоции. Роман медленно вдохнул, выдохнул и, посмотрев на Машу, произнес ровным голосом:

— Нам пора.

На Машином лице отражалось такое сострадание, что в носу у него снова зашипало.

— Что с ней случилось? — прошептала Маша, будто не слышала его слов.

— Их самолет разбился. Дядя Лёша сам его пилотировал. Тел так и не нашли. Так что они числятся без вести пропавшими, — зачем-то рассказал Роман, хотя собирался повторить, что им пора заканчивать посиделки.

На последних словах его голос предательски дрогнул, и он совсем не по-мужски шмыгнул носом, злясь на себя за то, что так расклеился. Не стоило затевать этот ужин, не стоило говорить с Машей, когда он едва себя контролирует от усталости.

— Но это означает, что они могли выжить? — детская надежда в голосе Маши окончательно взбесила.

— Не скажи этого Волкову! — резко произнес он. — Он три года этой идеей фикс всем мозги выносит.

Роман говорил нарочно грубо, будто не понимал Волкова, будто сам вел бы себя на его месте иначе.

Маша уловила перемену его настроения и, сняв с себя плед, аккуратно сложила его на подлокотнике дивана. Роман, продолжая злиться, собрал со стола контейнеры, выбросил все разом в оставленный официантом мусорный мешок и, отряхнув руки, наконец решился посмотреть на Машу. Он ожидал осуждения во взгляде, однако та смотрела печально.

— Что? — не выдержал Роман, понимая, что дело не в Маше. Он злился на себя за то, что устроил этот никому не нужный ужин, да еще наболтал всякого.

— Ты бы тоже их искал, если бы, не дай бог, оказался на месте Димки, — негромко произнесла Маша.

— Похоже на то, что у меня есть проблемы со здравым смыслом? — хмуро уточнил Роман, точно зная, каким был бы его ответ на этот вопрос.

— Похоже, что у тебя есть проблемы с Волковым, — спокойно ответила Маша и, сняв пиджак, протянула ему.

Роман молча надел пиджак, чувствуя, что к запаху духов Юлы теперь примешался запах Машиных.

На причале Маша сама перебралась через ограду и шагала по дорожке в сторону припаркованных такси. Роман, засунув руки в карманы, молча брел следом и думал, что

самое правильное, что он сейчас может сделать, — посадить ее в такси, поблагодарить за вечер, а завтра сделать вид, что ничего не случилось, но прекрасно понимал, что здравый смысл сегодня не будет услышан. Что-то не давало отпустить ее, не извинившись.

— Маша, — сдался он, догоняя девушку. «Девушку Волкова», — напомнил внутренний голос. — Подожди. Я тебя отвезу.

Маша обернулась так резко, что распущенные волосы взметнулись волной и закрутились вокруг ее плеч.

— Не стоит. Спасибо, что приехал, извини еще раз, что отвлекла. Забудь, пожалуйста, обо всем, что я сегодня наговорила. Не знаю, что на меня нашло.

Она заправила волосы за ухо, потерла висок, будто у нее болела голова, и открыла было рот, чтобы что-то еще добавить, но потом передумала.

— Я не отпущу тебя одну, — настойчиво произнес он, подыскивая слова, чтобы убедить ее поехать с ним. Просто извиниться вдруг показалось глупым.

— Да ты тут вообще ничего не решаешь! — вздернула подбородок Маша, и Роман обрадовался: спорить легче, чем уговаривать.

— Так, я сейчас поведу себя как маньяк — засуну тебя в машину силой, — пригрозил он, обалдевая от собственной наглости.

— Я закричу.

— Охрана моего отца точно будет на моей стороне, — улыбнулся Роман. Внутри все дрожало от азарта.

— Боже, как это низко — прикрываться папочкой, — сложила руки на груди Маша.

— *Á la guerre, comme á la guerre*, — довольно сообщил он и примирительно добавил: — Правда, поехали.

Маша смерила его нечитаемым взглядом, но все же пошла к его машине.

Заведя мотор, Роман обреченно подумал, что он сегодня почти разнылся на ее глазах, наговорил чуши, а вот сейчас блеснет своими водительским навыками. Да Волков его еще благодарить после такого должен.

— Мы поедem очень медленно, — предупредил Роман, выезжая с парковки.

— Почему? — с подозрением спросила Маша.

— Потому что я сел за руль только позавчера, — пояснил он, намеренно не глядя в ее сторону.

— Ты не умеешь водить? — схватившись за ручку над головой, пискнула Маша.

— Я водил в Англии. Но здесь же движение правостороннее.

— А со скольких лет водят в Англии? — в голосе Маши все еще слышалось подозрение.

— Скутеры и мелкую технику — с четырнадцати, а машину самостоятельно — с семнадцати. Я права год назад получил и водил там, пока сюда не переехал. Мне первое время здесь даже на пассажирском сиденье глаза закрыть хотелось, — неожиданно для самого себя признался он.

Некоторое время в машине царилa тишина, а потом Маша, выпустив наконец ручку, спросила:

— Тебе сложно здесь?

Он бросил на нее быстрый взгляд. Она смотрела внимательно, изучающе, и он как-то сразу забыл, почему им не стоит общаться.

— Немного. Мне в универе сложно. Многие термины иногда не сразу понимаю. Ну и вообще бывает... Вон в викторине почти ни одну цитату не узнал.

— Но ты ведь хорошо говоришь по-русски, — поделилась наблюдением Маша. — Я на семинарах заметила. Ты всегда очень внятно отвечаешь. И мысли формулируешь хорошо. Иногда бывает, что строишь предложения слишком буквально, но очень редко.

Сердце Романа неожиданно зачастило. Ему почему-то не приходило в голову, что девушка Волкова могла наблюдать за ним все эти месяцы и так много успела увидеть. В мозгу вновь зажглась сигнальная лампочка. Роман бросил на Машу быстрый взгляд и понял, что от него требуется ответ. Тщательно следя за тем, что говорит, он сухо произнес:

— Отец всегда говорил со мной только на русском. И у меня были русские няни.

Маша, кажется, поняла, что он хочет покончить с разговором, потому что молча вытащила из сумочки мобильник и погрузилась в дебри «ВКонтакте». На светофоре Роман бросил на нее взгляд, но лица не увидел: его скрывали распущенные волосы. Тогда Роман посмотрел на ее тонкие пальцы, скользившие по экрану, и подумал о том, что Маша Рябинина, наверное, играет на каком-нибудь инструменте. В пользу этого говорил ее рингтон — сюита Баха. Роман тоже несколько лет занимался музыкой и сейчас старался изо всех сил думать о тех беззаботных годах, когда миссис Фэнкл три раза в неделю давала ему уроки. Эти мысли были безопасными.

У многоэтажки в спальном районе свободного парковочного места не оказалось, и Роман задумался, уместно ли бросить машину с включенной аварийкой посреди двора, чтобы проводить Машу. Нарушает ли это закон?

Маша интерпретировала его задумчивость по-своему. Выпорхнув из остановившейся машины, она бросила напоследок: «Спасибо». Роман понимал, что отпустить девушку ночью одну в исписанный граффити подъезд — верх идиотизма, но дверь уже мигнула кодовым замком и закрылась за Машей. Роман потер лицо и подумал, что не отказался бы от возможности стереть последние несколько часов из памяти.